

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ
АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

ВСЬ ЭТОТ ДЖАКЧ

КНИГА 3

**Андрей Лазарчук
Михаил Успенский
Стеклоянный меч**
Серия «Весь этот джакч», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27094633
Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017*

Аннотация

Пятый год как разрушены Башни... Отгремели гражданские войны, позади голод и эпидемии, но мирная жизнь пока ещё какая-то ненастоящая. Учёные пытаются разобраться, что же это всё-таки было? Следы ведут в таинственную долину Зартак, откуда с давних времён в Саракш попадали странные существа и предметы. Там и встречаются наши герои – те, кто сумел уцелеть. И тут же понимают, что есть силы, желающие вновь использовать излучение, и эти силы ни перед чем не остановятся. Так что приходится опять, как в старые времена, – плечом к плечу...

Содержание

Рыба	5
Чак	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский Стеклянный меч

А что же будет дальше, что же дальше?

Уже за той чертой, за тем порогом?

А дальше будет фабула иная

и новым завершится эпилогом...

Юрий Левитанский

Рыба

– Доктор Мирош! Коллега! Вы что, меня не слышите? Нолу!

Директор. А мне от экрана не отвернуться и рук с пульта не убрать. Ну что он, не понимает, что ли? На двери написано: «Не входить!»

Надо было добавить – «Убью!»

Я смогла только мотнуть головой и что-то такое сделать плечом. Старичок вряд ли понял значение этих движений, а если понял, то не оценил.

– Может быть, вы всё-таки обратите на меня внимание? Коллега!

Гармоники почти сошлись... почти, но не совсем. Генератор выдал противное «3-3-3-3», от которого тут же зачесалось в ушах, и зубец упал на четвёртый уровень. Я бросила взгляд на энцефалограмму. В левой височной области «голубая» и «коричневая» линии участились до предела, готовые выдать пик, «красная» же, наоборот, замедлилась и почти утратила амплитуду. Я нажала клавишу, и в кровь собачки поступила доза азимана – достаточная, чтобы предотвратить судороги...

– Нолу! – и директор похлопал меня по плечу. Тому самому, которым я ему сигналила: подожди!

Я обесточила пульт, встала и медленно повернулась к

нему – слева направо, чтобы сначала он увидел обожжённую половину лица.

– Да, господин директор?

Он выглядел испуганным. И, конечно, не от созерцания сине-багровых рубцов.

– Нулу, давайте пройдем в мой кабинет... это очень срочно...

– Опять защитники животных?

Он покачал головой.

– Обриш! – позвала я лаборанта. Он выбрался из-за стойки со старой аппаратурой, которая уже не нужна, но списать её невозможно. – На сегодня всё. Обиходи собачек, и можешь идти домой. Господин директор...

Он держал дверь открытой. Бывший полковник, хоть и ветеринарной службы.

В коридоре он взял меня под локоть, нагнулся к уху и зашептал:

– Нулу, в кабинете вас ждёт человек из Комиссии... он не представился, но я его случайно узнал... видел раньше... официально он якобы из Департамента здравоохранения, но я вам говорю... в общем, имейте в виду, понимаете? У вас ведь уже были проблемы...

– Спасибо, коллега, – сказала я.

Спецофицер выглядел так, как положено – то есть был похож на кого угодно, только не на спецофицера. Этакий умеренно пьющий деревенский фельдшер... он и сидел-то на

краешке стула, не осмеливаясь осквернить своими потёртыми штанами благородный серо-зелёный плюш обивки; я и не помню, откуда именно привезли нам мебель, но остатки бывшего лоска ещё держались. При виде нас офицер вскочил, уронил лежавшую на коленях шляпу, поймал, прижал к животу – и тут же уронил зажатую под мышкой толстую папку...

– Прошу прощения... господин директор, доктор Мирош... прошу прощения... Инспектор профилактической службы Верике – к вашим услугам...

Я кивнула:

– Чем обязана?

– Доктор, вы знаете, что ситуация в стране критическая...

– Знаю.

– ...а вы уникальный специалист... Наш департамент истребовал вас в качестве эксперта, работа ответственная и в высшей степени секретная, с отрывом от основного места работы, но оплата по высшему разряду с премиальными, не отказывайтесь, пожалуйста...

– То есть я могу отказаться?

– Конечно, но...

– Инспектор, я сейчас провожу серию важнейших экспериментов. Вы знаете, что такое «леволатеральный синдром»?

– Разумеется.

– Так вот, я, кажется, нашла способ заблаговременно

определять начало припадка и купировать его без применения медикаментов. Но если я сейчас прерву работу, то потом придётся всё начинать сначала, поскольку животные с обнажённым мозгом долго не живут, а создавать заново всю линию...

– Я понимаю, – убитым голосом сказал офицер. – Но разрешите, я вас немного ознакомлю с темой нашего... с нашей темой? Это недолго займёт... займёт немного... В общем, полчаса хватит. Ах да... и... господин директор?...

– Наедине, – сказал директор. – Я помню.

Мы расположились за директорским столом – со столешницей из настоящего чёрного дерева и твёрдой потрескавшейся кожи с тиснением, изображающим картины радостного крестьянского труда. Наверняка стол этот заказывал себе богатый помещик откуда-нибудь из хлебных прихонтийских степей, прожигавший несправедные богатства в столице. Спецофицер, притворяющийся инспектором, раскладывал какие-то бумаги из папки. Я ждала.

– Доктор, вы подавали в позапрошлом году запрос в наш департамент на проведение исследований, вам было отказано...

– Совершенно верно.

– Теперь мы видим, что была совершена грубейшая ошибка... или даже акт саботажа. Решено начать комплекс работ по обозначенной вами тематике, и было бы неправильно не предложить вам...

– Я подавала два запроса. Один по проблеме распространения паразитического энцефалита, второй...

– Второй, – сказал инспектор.

– Значит, решили обратить внимание на Шар-гору?

– Простите?...

– Там, где я была недавно, есть присказка: «Не заметить Шар-гору». Пустой берег, и на берегу будто каменное пушечное ядро, только в километр высотой. Не слышали?

– Не приходилось, – соврал инспектор. – Но смысл понял. Да, вот так получилось, что не дали ход вашему запросу и даже постарались запрячь его подальше...

– Что же переменилось?

– Новый директор... мм... он подозревал, что прежний директор препятствует ряду направлений исследований, и... В общем, это подтвердилось.

– Понятно, – сказала я.

– Я тут позволил себе сделать краткую выжимку из вашего запроса, проверьте, не упустил ли я чего-нибудь?

Он вынул из папки несколько листков, скреплённых старомодным зажимом, вынул один и подал мне. На машинке со знакомо скачущими буквами было напечатано:

«Краткое резюме запроса доктора медицины Нолуаны Мирош в департамент науки от 16.11.27.

1. Чем объяснить тот факт, что к нейроаффективному излучению (далее – НАИ) оказались чувствительны только люди; все высшие

млекопитающие, включая приматов, полностью интактны?

2. Почему к излучению интактны дети? Почему с годами возраст наступления чувствительности снижался (с 18–22 лет в 01-м году до 12–14 лет в 24-м)?

3. Почему мутации живых организмов на Юге и в долине Зартак на Севере разительно отличаются от радиационных мутаций, исследования по которым опубликованы Императорской Академией Натуральных Наук после Первой Кидонской войны; при этом мутации в центральных областях даже в зонах сильного заражения полностью совпадают с описаниями семидесятилетней давности?

4. Какая технология применена при производстве излучателей НАИ? Почему нет никаких следов предшествовавших разработок? Что за эффект „размножения делением“ означенных излучателей? Чем является само НАИ, если оно не электромагнитное?

5. Если эффект воздействия НАИ таков, каким нам его представили, то почему значительная часть ресурса надаффективного внушения расходовалась на астенизацию и шизофренизацию населения путём многолетней трансляции „Волшебного путешествия“ – ментограмм клинических шизофреников (в разные годы трансляции занимали от 3 до 14 часов в день)? Чем объяснить то, что сильнейший способ внушения не использовался для изменения потребительского поведения и как следствие – для форсированного экономического роста?

6. Какова была реальная цель ежедневных т. н. „лучевых ударов“ (заявленная не выдерживает никакой критики)?

7. Есть ли техническая возможность проверить, не возобновлено ли где-либо нелегальное использование НАИ (в фоновом режиме, без применения „лучевых ударов“)?

Резюме составлено ст. инспектором ДЗ Мито Верике, 02.02.27».

Я разгладила лист, зачем-то перевернула. На обратной стороне местами отпечаталась грязь от валика.

– Всё верно? – спросил инспектор.

– Учитывая степень сжатия – абсолютно.

– Итак? Или же исследования леволатерального синдрома вы полагаете более важными?

– Леволатеральный синдром можете внести восьмым пунктом, – сказала я. – Не сомневаюсь, что он имеет отношение ко всему перечисленному...

– То есть вы согласны?

– Ещё не знаю. Расскажите подробнее – какой коллектив, кто будет во главе коллектива, аппаратура, транспорт, полномочия...

– Идёт процесс формирования. Считайте, создаётся новый отдел. Полноценный. То есть только научных работников не менее двадцати пяти человек...

– Кто главный?

– Генерал Шпресс. Он же профессор Шпресс.

– Военный психиатр?

– Совершенно верно. Кстати, он вас помнит.

– Да? С чего бы?

Впрочем, я его – тоже помню...

* * *

– Имя полностью?

– Нолуана Мирош.

– Число исполнившихся лет?

– Тридцать один.

– Образование?

– Высшее медицинское.

– Семейное положение?

– Вдова.

– Сведения о ближайших родственниках?

– В живых не осталось никого.

– Поясните.

– Родители погибли, когда мне было десять лет. Бабушка, у которой я выросла, умерла в пятнадцатом... я только поступила в университет, как... вот. Родители мужа пропали на каторге ещё при Творцах, а мужа расстреляли уже вы. Всё.

– Эмм... А брат мужа?

– Не знаю. Насколько мне известно, он отказался от родства, так что я с ним никогда не встречалась и даже не знаю, как его зовут.

– Понятно... – следователь зачем-то заложил папку карандашом и захлопнул её. Видимо, чтобы показать – сейчас разговор пойдёт не под протокол. Откинулся, закурил. Мне предлагать не стал. Наверное, знал, что откажусь. – Кстати, чаю не хотите? С сахаром?

– Хочу, – сказала я.

Он нажал кнопку под столешницей – и, когда конвойный заглянул в дверь, велел принести две кружки, и покрепче.

– Вы в курсе, за что именно сидите? – он выпустил облачко дыма и посмотрел на меня сквозь него, как-то непонятно прищурившись. – Нет, статью не надо, своими словами.

– За то, что я была женой своего мужа. За то, что не донесла про его якобы преступления. За то, что не отказалась от него. Наверное, это всё.

Следователь покивал.

– Вы сказали «якобы». То есть в то, что он был провокатор и работал на контрразведку, вы не верите?

– Меня не убедили, – сказала я.

– А что вас могло бы убедить? – спросил он.

Принесли чай. Аромат был... безумный. Да, безумный.

– Я не знаю, – сказала я. – Мне показывали его досье из контрразведки... написано, что он буквально с пятнадцати лет работал на них, агент «Пальчик»... Но сделать такое досье – две недели. Так что...

Я отхлебнула чай. Он был сладкий, как горный мёд. И горячий. Я вдруг почувствовала, что вся промёрзла насквозь.

Следователь молчал, курил. Потом вспомнил про свою кружку.

– Но что вам мешало подписать отречение? – спросил он. – В конце концов, сколько вы прожили в браке? Полгода?

– Семь месяцев.

– И сколько дней из этих месяцев вы были вместе?

– Мало, – сказала я. – Могут сосчитать, если надо.

– Не надо. Мы сосчитали. Меньше двадцати. Так почему вы не подписали, Нолу?

Нолу... надо же...

– Не знаю, – сказала я. – Как-то это... не по-людски...

– Он на самом деле был провокатором, – сказал следователь. – Одним из успешнейших. На его совести сотни жизней подпольщиков. Не говоря о том, что он фактически начал гражданскую войну...

– Это только ваши слова, – сказала я. – И да, мне показывали электрокопии его сообщений. Но почерк можно подделать... и подпись...

– Вы сами себе не верите, правда?

– Я ничему не верю, – сказала я.

Он шумно отхлебнул из кружки и взял телефонную трубку.

– Капрал, попросите профессора заглянуть к нам...

Несколько минут прошло в молчании. Я допила чай, и мне захотелось попросить ещё. Но этого делать было нельзя.

Заглянул конвойный, увидел, что всё в порядке, приот-

крыл дверь шире. Вошёл, опираясь на палку, лысый толстяк в мятом гражданском костюме. Следователь встал.

– Господин профессор...

– Сидите, Номан, сидите.

– Простите, но мне больше некуда вас посадить...

– Может, оно и к лучшему... – тем не менее толстяк, кряхтя, опустился на железный стул следователя. – Итак... итак. Коллега Мирош? Меня отчасти посвятили в суть ваших проблем, но я хотел бы главное услышать от вас.

Следователь Номан – имя? фамилия? – отошёл к приоткрытому зарешеченному окошку и снова закурил.

– Простите? – спросила я.

– Да, я не представился: доктор медицины Баух Шпресс, профессор Военно-медицинской академии. Вы – зауряд-врач Департамента здравоохранения, профиль широкий, я бы сказал – широчайший... Участница боевых действий, была в плену у мятежников... всё верно?

– Всё верно.

– Как выяснилось во время разбора архива контрразведки, ваш муж долгое время был агентом-provokatorом, внедрённым в подполье, за что судим трибуналом Революционной комиссии и приговорён к смертной казни.

– Я знаю, что он до революции состоял в подполье и занимал там высокий пост. После революции его отправили в стратегически важный регион для восстановления хозяйства. Он очень многим не нравился, поскольку был принци-

пиальным и упорным...

– Упёртым, я бы сказал.

– Упорным и честным. И очень требовательным. Требовали с него, требовал и он. И он умел добиваться своего. Поэтому так кстати появилась архивная папка. А вы уверены, что контрразведка не заводила подобных папок на всех руководителей подполья, чтобы в нужный момент убирать неудобных руками их же товарищей?...

– Коллега, верно ли, что вы долгое время работали в проекте «Волшебное путешествие» в качестве наблюдающего врача?

– Подрабатывала. Да.

– С ментоскопированием дело имели?

– Разумеется.

– Вы знаете, что подделать ментограмму невозможно?

– В комплексе – да, но отдельные каналы – сколько угодно.

– Разумеется, я имею в виду комплексную. Так вот, с вашего мужа после оглашения приговора была снята ментограмма.

– Что? Зачем?

– Было особое мнение одного из членов трибунала. Якобы подсудимый обладал «множественной личностью», а потому мог считаться невменяемым.

– Но?...

– Это не подтвердилось. Приговор был приведён в исполнение. Ментограмму было предписано уничтожить, но я на-

стоял на её сохранении. Вы можете с ней ознакомиться.

Это было как удар под дых. Я замерла, пытаюсь справиться с дыханием.

– Ему ввели амитал, так что полностью контролировать мысли у него не получалось, – добавил профессор. – Особенно когда он уснул.

– И я... могу?...

– За этим меня и пригласили, – сказал профессор.

– Пригласили... – тупо повторила я. – Чтобы я могла посмотреть... Да что вообще, массаракш, происходит?!

Следователь вернулся к столу.

– Доктор Нолуана Мирош, Революционная комиссия поручила мне пересмотр вашего дела. Я прихожу к выводу, что вы пребывали в неведении как относительно прошлого вашего мужа, так и, в особенности, относительно преступной деятельности после назначения его комиссаром провинции. Уверен, что прокуратура поддержит моё мнение.

– А при чём тут ментограмма? – спросила я, пытаюсь задушить в себе все эмоции. Хотя бы не заорать в голос.

Профессор и следователь переглянулись.

– Так вы хотите с ней ознакомиться? – ещё раз спросил профессор.

Какое-то время я сидела неподвижно, вцепившись в железный стул. Казалось, что он ходит подо мной ходуном. Потом я почувствовала, что трясу головой.

– Н-нет...

– Почему? – тихо спросил профессор, наклоняясь ко мне.

Я могла бы долго объяснять ему про то, что иногда умею в буквальном смысле читать по лицам и понимать несказанное, но вместо этого соврала:

– Не знаю... не хочу... просто...

Профессор откинулся на стуле и посмотрел на следователя почти с торжеством:

– Она всё поняла, Нолан...

– Да уж, – сказал тот. – Итак, доктор Мирош, вы на две недели по акту освобождаетесь от общих работ. Завтра вас определяют на работу в медпункте. Ответ из прокуратуры за эти две недели обязательно придёт. Распишитесь здесь и здесь, поставьте дату...

Я механически расписалась.

– А всё-таки, – с любопытством спросил профессор, – почему вы не хотите посмотреть менторгамму? Бойтесь что-то увидеть?

– На... об... борот... – задавив спазм, сказала я. – Профессор, я же не дура. Я побыла душой, но, к сожалению, недолго... Я знаю, чего я там *не увижу*.

Не помню, как я дошла до барака. Барак, как обычно в выходной, притворялся, что спит. Вошебойкой воняло сильнее, чем обычно, и я сообразила, что сегодня меняли бельё. В углу возились. Стараясь не обращать ни на что внимания и даже ни о чём не думать, я переоделась в ночную робу, расстелила ломкие простыни и легла под негреющее одеяло.

Наверное, я уснула сразу, едка коснувшись щекой локтя, потому что, когда меня стали трясти, некоторое время не могла понять ни где я, ни кто я. Потом всё-таки поняла и села.

– Что? – спросила, нависнув сверху, Жаха – здоровенная тётка из «новых политических», моя бригадирша. – Сказали, тебя завтра в смену не брать.

– Да, – сказала я. – Наверное. Не знаю. Ничего пока не знаю.

– Зачем тебя водили?

Врать было нельзя, узнают, что соврала – будет очень плохо.

– Сказали, пересмотр.

– Пересмотр дела? С чего вдруг?

– По вновь открывшимся...

– Падла!.. – она толкнула меня обратно, и я чуть не расшибла голову о поперечину. – Ну, падла...

Пол страшно закрипел под её толстыми ногами.

Я попыталась не спать, и мне приснилось, что я не сплю.

Я даже не проснулась, когда меня тащили. И когда прижали лицом к раскалённой печке, не сразу поняла и не сразу почувствовала...

* * *

– Деточка... – теперь я была «деточка». – Но как же так... я же предупредил – он *оттуда*... всё это как-то скверно по-

пахивает...

Директор был расстроен до степени растроганности. Он готов был меня простить за всё былое и ещё на год вперёд. Лишь бы я осталась.

– Я понимаю, – сказала я тихо. – Но даже если есть хоть один шанс... и даже если этот шанс мне даёт комиссионер... и даже если это будет моя последняя ошибка...

Я замолчала, понимая, что так, скорее всего, и окажется в конце концов.

– Хорошо, – вдруг неожиданно спокойно сказал директор. – Я вас отпускаю в годичный академический отпуск. В конце концов, у вас есть на него право. И если что-то не получится там – вам есть куда вернуться.

– Я что, – голос неожиданно сделался какой-то писклявый, – такой хороший специалист?

– Незаменимый, – сказал директор твёрдо.

– Вот уж никогда не думала...

Теперь мне нужно было не разреветься.

Я встала:

– Спасибо.

– А всё-таки, – директор посмотрел куда-то в угол, – зачем? Почему? Не понимаю...

– Не могу объяснить, – сказала я. – Хочу, но... Это зов. Я же на четверть горянка... Ну, как с гипнокодированием: что-то сидит где-то внутри и реагирует на комбинацию слов, и уже ничего не сделать, сопротивляться невозможно. Я зна-

ла, что это когда-то произойдёт, просто не ждала... именно сейчас...

– Значит, медицина бессильна, – сказал директор, подписал пустой бланк и протянул мне. – Заполните – с такого-то по такое-то, сбор материала по теме... ай, что я вам объясняю... Потом в кадры и бухгалтерию. Всё, удачи.

* * *

Комната оставалась за мной и три четверти оклада тоже, а машину я сдала, потому что зачем мне нужна будет машина? Это потребовало некоторой настойчивости, машина полагалась по штату, но я эту настойчивость сумела проявить. Кстате выяснилось, что мне за неиспользованные два отпуска и тьму переработанных часов положена компенсация, за которой надо пойти на следующей неделе – солидная, в общем-то, сумма, особенно по моим запросам.

Потом до вечера я вводила Обриша в тонкости методик, хотя уже понимала – парень всё запретит, и не потому, что дурак, а по причине отсутствия научного терпения. В нашем деле нацеленность на результат губит почти так же, как в деле каменоломном – разве что руки-ноги остаются при тебе...

Гиротрамваи уже не ходили, и я вызвала развозного. Пока ждала его у проходной, пошёл дождь. Потом я услышала, как отъезжают главные ворота. Из двора Департамента с влажным шорохом выехали три длинных жёлтых лимузина и тут

же скрылись за поворотом. Я смотрела им вслед и о чём-то напряжённо думала. Настолько напряжённо, что не заметила подкатившего развозного.

Водитель опустил стекло:

– Эй, тётка, едем?

– Едем, племяшек...

Он гыкнул, но дверь открыть и не подумал.

Я села на переднее, рядом с ним, чтобы он мог любоваться всеми моими рубцами. Нет, вру, не всеми...

– Значит, так, племяшек. Первым делом в «Старого Енота», там подождать, потом в «Галерею», там тоже подождать, потом на Героев, семнадцать. Запомнил или повторить?

– Зап-помнил...

– Сам с Юга?

– Ага. Из Савфакса.

– И как у вас там с белыми субмаринами?

– По реке-то они не осмеливаются... А на побережье, бывает, ерохвостят. Хотя, мню, всё уж не так, как в прежде. Побаиваться стали.

– Побаиваться – это правильно... – рассеянно поддержала я, а когда он ринулся развивать тему, осадила: – Давай, джакч, езжай – и молча, понял?

Он опасливо кивнул.

В «Старом Еноте» можно было не только поесть за столиком, но и взять еду на вынос. Я часто этим пользовалась, меня здесь знали (такую забудешь...) – поэтому и предлага-

ли иной раз что-нибудь особенное. Вот и сейчас поварёнок Фрош подмигнул мне и сказал, что есть жаркое из кролика под соусом из озёрных грибов. Я засмеялась и сказала, что озёрные грибы до Столицы не доплывают уже давно, а он сказал, что их научились выращивать в садках на Каскадных, и скоро этого деликатеса будет завались в любой заводской столовке, а пока – вот, только у них. Я взяла на двоих, расплатилась и направилась к развозному. Развозной толковал о чём-то с длинным хлыщом, похожим на сутенёра. Тот стоял, наклонившись вперёд, держа в согнутой и отведённой руке дымящуюся сигару. Увидев меня, хлыщ кивнул водителю, показал пальцами другой руки какой-то знак и пошёл прочь мерзкой вихляющей походкой.

– Кто это? – спросила я, усаживаясь. – Чего хотел?

– Я не понял, – растерянно сказал водитель. – Какой-то «весёлый мертвяк»...

– Новый наркотик, – сказала я. – Не связывайся, убьют.

– А вы откуда знаете?

– Эх, малыш, – сказала я. – Мне ли не знать... Поехали.

Три года назад эфимикрин синтезировали как раз для купирования леволатерального синдрома. А не так давно выяснилось, что если его прогреть в кислой среде с банальнейшим древесным маслом...

В «Галерее» я взяла две бутылки тягуче-сладкого «Подморозка»; вино было дорогое, но надо же как-то отметить перемену участи?

Около дома я расплатилась с сильно задумавшимся южанином и пошла в подъезд. Гомонящая стайка подростков у киоска при виде меня пришипилась (был случай, когда я им сделала по-настоящему страшно). Привратник, услышав шаги, открыл один глаз и сказал:

– Вам письмо, доктор.

– Суньте в карман, – я повернулась боком.

Конверт был большой и тяжёлый. Журнал или бомба.

Я поднялась на этаж. Лестницу опять чем-то залили, по углам валялись окурки и пластиковые стаканчики. Дверь квартиры была заперта изнутри, пришлось звонить. Приоткрылся глазок, потом лязгнула задвижка.

Академик Каан Ши был похож на мумию огромной летучей мыши: тёмное высохшее лицо, запавшие маленькие глазки, длинный кожисто-лоснящийся тёмно-коричневый халат, в который он кутался даже в самую жару... Только ноги выдавали его человеческую природу, потому что на ногах были разношенные войлочные полусапоги, а летучие мыши войлока боятся. Когда-то вся эта восьмикомнатная квартира была его; потом, когда при Творцах Академию низвели до ничтожности, всё у него реквизировали, подселили не пойми кого, одно время даже откровенных бандитов, а ему оставили только кабинет и прилежащую комнатку, где долгое время ютились его взрослые племянники, брат с сестрой. Племянника – он был военный – убили на несчастной хонтийской войне, а племянница сразу после революции оказалась

в первой волне жертв леволатерального синдрома, который тогда называли «бабьим бешенством» – почему-то поначалу ему были подвержены только женщины, потом положение выровнялось. Когда новые власти с расшаркиванием решили вернуть академику отнятую тиранами собственность, он неожиданно отказался, попросив только направлять к нему на подселение близких к науке людей. Но мало кто из учёных соглашался делить с Кааном Ши кров – академик был известен был несдержанностью в научных спорах и изощрённой язвительностью.

Так что я была его единственной квартиранткой, как-то связанной с научной деятельностью...

– Ваше наимудрейшество!.. – я чмокнула академика в щёку. – Сегодня пир. Прошу не возражать. И, если можно, ваши бокалы...

* * *

Сказать, что мы с академиком нарезались, я не могу, но какой-то порожек мы на второй бутылке проскочили – и оказалось, что у нас одинаковый недостаток: чудовищная трепливость. Мы оба торопились что-то рассказать, не слыша собеседника, и вышел дурной галдёж, причём я понимала, что это дурной галдёж, но остановиться не могла. Рассказывать почему-то хотелось про то, про что я и думать себе не разрешала – про арест, про фильтрационный лагерь, про эшелон,

про «Скалу»... и я несла какую-то словесную рубленую лапшу, пытаюсь что-то объяснить, описывать, отсылать к классике... и почти перешла на тюремный жаргон, когда поняла, что в нашей компании возник третий.

Это был жилец из комнаты в самом конце коридора, портной-надомник, забыла, как звать. На столе стояла третья открытая бутылка, а я точно помнила, что покупала две. Третья была с ягодным шнапсом, и мы, оказывается, пили уже шнапс.

Портной смотрел на меня с ужасом, и я не могла понять, почему. Что-то сказала? Да и плевать... Он медленно-медленно опускал руку с вытянутым указательным пальцем – будто палец хотел показать на меня, а он пытался его от этого удержать. Мне стало смешно.

– Солёная, – сказал он.

Смешно быть перестало. Как отрезало.

– Да, – сказала я.

– «Скала». Двадцать шестой...

Я медленно кивнула, пристально глядя ему в глаза. Ну, насколько пристально? Насколько могла пристально. Если честно, глаза плохо сводились...

– Я тебя не помню, – сказала я. – Какой отряд?

– Не отряд. Кастелянная. Там, в углу...

В углу кастелянной за швейной машинкой точно кто-то всегда сидел, сгорбившись – но я в упор не помнила...

– Так это был ты?

Он часто закивал – как горские костяные игрушки.

– А вы что, друг друга знаете? – удивился академик, прервав свой витиеватый рассказ о всеобщем разуме Саракша, направляющем мутации.

– Получается, да, – сказала я. Хмель слетал стремительно, как от ватки с нашатырём, засунутой в нос. – Расконвой или вольняшка?

– Вольнонаёмный, – сказал портной. Звали его Нуи. Надо же, вспомнила... – Жил там.

– Жил и жил, – сказала я. – Где только люди не живут. Я вон на самой границе выросла...

– Тебя ведь выпустили, так?

– Угу. Пересмотрели дело.

– Всё, вспомнил. Тебя ещё через больничку выпускали?

– Угу.

– А ты знаешь, что сразу после этого полбарака вашего перемёрло?

– «Бабье бешенство»? – догадалась я.

– Оно. А ты откуда?...

– А я им сейчас как раз занимаюсь. Или занималась. До сегодняшнего дня.

– Вот как... А все думали, это ты на них порчу навела. Ну, за то, что они сделали...

– Какая может быть порча, молодой человек?! – возмутился академик. – Не мрачные века же вокруг...

– Хотя мрачное время, – сказала я. – Порча существует,

ваше высокомудрейшество. Но вас я этому мастерству учить не буду, да и переубеждать тоже. И то и другое крайне опасно, согласитесь. В смысле, опасно для меня.

Академик возмущённо заворчал и заквахтал, что от меня он такого не ожидал, то есть ожидал, но не такого, – но быстро вернулся к теме невероятных мутаций, слишком уж похожих на направленное и даже разумное воздействие на генетический код. Мысль была интересная, следовало запомнить... просто я поняла, что меня безумно тянет на приключения. Это могло кончиться плохо. Не обязательно для меня.

Порча таки существовала...

...В конце концов, если можно каким-то тайным способом воздействовать на генетический код, и наука в лице академика Ши эту тему не извергала из уст, то почему она должна извергнуть тему тайного воздействия на взрослый организм?... Тема извержения из уст меня насторожила, я прислушалась к себе, но ничего подозрительного не ощутила.

Я повернулась к портному.

– А что, вспышка бешенства была только в нашем бараке?

– Не знаю точно, – сказал он. – Кажется, в одном. То есть в вашем.

– Надо будет об этом подумать, – сказала я, забыв, что надолго рассталась с лабораторией вообще и леволатеральным синдромом в частности. – Ох, я же не сказала, за что пьём! Я перехожу из научного в здравоохранение! С понижением! С экспедициями! Ну, дура же я, правда?

Академик стал пристально рассматривать меня поверх бокала – будто это был не бокал, а ручка невидимой лупы. Лупа была двусторонняя – я наконец увидела его раскрытый глаз.

– Зартак? – коротко каркнул он. С характерным горским выговором, почти без гласных.

– Откуда вы?...

– Меня приглашали, – сказал он. – Но приглашали таким тоном, будто надеялись, что я соглашусь.

– И вы согласились?

– Нет, отказался. Уже не то здоровье, чтобы спать на снегу в палатке. А вам, коллега, это в самый раз.

– Ну да, – сказала я.

Для моих переломанных рёбер...

– В любом случае, – сказал портной, – я вижу, вы очень довольны. Поэтому позвольте ещё по капельке...

И мы выпили ещё по капельке. А потом ещё. И только потом я вспомнила про жаркое.

Мы съели его холодным.

А подливка из озёрных грибов оказалась совершенно безвкусной, да ещё с запахом тины. Но чего, скажите, можно ещё ожидать от грибков, выращенных в садках в тёплой затхлой воде?

Чак

Мне приснился гнусный сон, от которого я и проснулся. Сроду сны не снились, а тут – вот. Будто я лежу на спине и смотрю в небо, а там множество ярких точек и яркая Чаша, и я понимаю, что уже где-то когда-то это видел, но не сейчас, а в какой-то другой жизни. Потом я соображаю, что вижу небо сквозь проломленную крышу. А ещё чуть погода – что между мной и крышей характерная продолговатая дырка деревенского толчка, и в эту дырку я и пытаюсь обозреть небесные сокровища...

Ясное дело, пришлось выволакивать себя из этого сна, а то так бы и утоп в дерьме. Но нет, обошлось.

На этот раз.

В доме было темно, и старатели мои выдавали такие хорошие трели, что сам Великий О заслушался бы и прослезился. Я потихонечку встал, подкинул пару поленьев в почти погасшую печку, ненадолго вышел на крыльцо полюбоваться на поникшие ветви старой яблони и заодно отметить, что туман вроде как начинает рассеиваться, – вернулся, подвинул табурет к печке, набил трубочку здешним джакчным горлодёром и закурил, пуская дым в поддувало.

Давно не наваливалась на меня такая тоска...

Ну да, есть поводы и к расстройству чувств, и к досаде – добычи у артели не было, можно считать, никакой, жратва

подходила к концу, скоро возвращаться, денег не будет, и что тогда? Только-только вылезли из долгов, и опять в эту паутину?... Но пробило меня чем-то другим, как тогда, в Чёрный день, о котором велено забыть, как о страшном сне. Только забыть вот как-то не получается. Я ведь тогда Лайту из петли вынул...

Нет, лучше не вспоминать. Хотя бы не сейчас.

Князь как-то – кажется, в тот самый последний раз, когда мы с ним знатно посидели в кабачке «У моста», который держал Чувырла (после гимназии он сразу раздался в пузе, остепенился и стал вполне приличным мужичком, и заведение его было скучным, спокойным, домашним – как раз для нас с Князем: если и помашемся на кулачках, то тихо, по семейному, не на людях) – так вот, Князь сказал, что и от страха, и от чёрной хандры лучше всего помогает именно самокопание, но только не поверхностное, как будто чирей давишь, а чтобы до селезёнки, себя не жалея. Кинжал вот так наставил и спокойно вводишь. Представь, что ты уже труп... И тогда вся дрянь, что внутри накопилась, выхлестнет – и станет легче. Страх, скажем, совсем проходит, ничего не боишься, а хандра – ну, на какое-то время. Он говорил, что у него это получается. Я пробовал потом – нет, это не для меня... да и повода особо не было. Честно. Это Князь весь свой джакч в себе таскал, а я как-то без особых заморочек всё вываливал на окружающих. До какого-то времени.

В смысле, до ареста.

Меня взяли прямо в полевом госпитале, куда Лайта буквально на себе меня доволокла – полубезумного, с неправильно сросшимися ногами, с недееспособной рукой: деревенские постарались на совесть, пригодились им навыки ручного обмолота, – взяли рано утром, я думал – опять на уколы... Вообще госпиталь, скажу я вам, произвёл на меня впечатление: всё новенькое, и такая аппаратура, какой я даже в «Горном озере» не видел, а там ведь оборудование было настоящее, довоенное. Врачи внимательные, сёстры шустрые, бельё всегда свежее, еда вкусная... как и не у нас это, а в светлых снах Поля, мир его праху... Лайта тут же устроилась, стирка-глажка – бесплатно, за еду, конечно, но выбирать-то не из чего, а главное, Кошка всегда на виду... – мы ведь Динуата мысленно похоронили тогда. Ни слова об этом не говорили, но у нас как-то так всегда получается, что друг от дружки не скроешь ничего. Иногда даже неловкости возникали...

В общем, выволокли меня из этого тёплого места на снег, засунули в фургон и повезли в далёкое волшебное путешествие. Только через год я узнал, что и Лайту буквально следом за мной повезли.

Что интересно – не били. Вообще я долго понять не мог, чего от меня хотят. Километры бумаги исписали вопросами-ответами, а какой результат хотели получить, я так и не просёк, пока, наконец, не подняли меня однажды вежливыми пинками с нар, не побрили и не одели в свежую робу

приятного для глаз цвета морского приборя (который я столько раз порывался увидеть, но так и не увидел) – да не привели в незнакомый просторный кабинет, где сидел незнакомый штатский, а начальник тюрьмы стоял возле него с таким видом, будто держал в руках невидимый поднос с хрустальным бокальчиком. Ну я, понятно, отрапортовал, что такой-то прибыл, штатский кивает начальнику, и тот на цыпочках удаляется за дверь. Опа, думаю я. Что-то новенькое... Штатский смотрит на меня и думает о чём-то своём, а я его не тороплю. Потом он наконец перестаёт пялиться и говорит: ну прямо одно и то же лицо. А поскольку никакого ответа он явно не ждёт, то я себе помалкиваю, как вор за занавеской. Встал он, обошёл меня со всех сторон, ещё головой покачал и даже языком поцокал. Потом и говорит: вы, говорит, господин Яррик, обвиняетесь в контрреволюционном злокозненном бездействии, но Республика гуманна и приняла решение вас отпустить в обмен на кого-то там...

Вот тут я, ребята, чуть не сел там же, где стоял, ноги в вату превратились – ну, будто я в «осиное молоко» влез... то есть я тогда не знал ещё ни про «молоко», ни про всё остальное... просто ноги – в вату. Мне как раз накануне сказали, что Лайту на женском этаже держат, а где Кошка и что с ней – неизвестно.

Что-то бормочу, сам себя не понимаю, а штатский напротив меня встаёт и твёрдо так говорит: решение принято, вас с женой отвезут... и что-то ещё, а я не слышу, у меня в ушах

звон и в глазах полёт искр. Что-то подписал, не видя, слёзы... нет, не было слёз, почему-то не было, наоборот – какая-то сухость, будто абразивная пыль на веках запеклась.

И да, увезли сразу куда-то, и не в «собачьем ящике», а в легковой машине – правда, с непрозрачными окнами: что-то там угадывалось за ними, свет проблесками, силуэты – в общем, мало что. И от водителя салон наглухо отгорожен, тоже ничего не видно. Ну и на руках-ногах у меня цепочки, чтобы я чего не учинил...

Долго ехали. Часов десять. С остановками – то просто стоим и кого-то то ли ждём, то ли пропускаем (гул непонятный, не от поезда), то вывели меня: бензоколонка в чистом поле, куда ни посмотришь – неброская красота родной природы: зимние раскисшие поля и тёмные скирды тут и там, да пересекающий всё это дело канал полузаросший с тонким ледком, – и при бензоколонке, как и подобает, ларёк, два столика для еды, зелёная будочка в отдалении. Сводил конвойный офицер меня к будочке, убедился, что в дырку толчка я не пролезу, но дверь всё-таки закрывать не стал – мало ли, потом с него спрос... Да, ну и перекусили лепёшками с сыром да с какой-то травкой душистой... и дальше поехали. Я всё про Лайту хотел спросить, но пересилил себя: с конвойными всегда лучше помалкивать, так и так не ответят, а слабое место своё ты перед ними приоткроешь.

Приехали наконец. Вывели меня...

Сразу я это место узнал, потому что в гимназии нам про

него аж два раза рассказывали: и на истории, и на литературе. Сторожевая башня, где проходил ссыльную службу великий и непревзойдённый Верблибен. Вот она, на крутой скале, а у подножия скалы трёх дорог перекрёсток и слияние двух рек... ну, каких рек – речек. Наша Юя куда полноводнее... Мост горбатый каменный через речку, а за мостом – четыре крытых грузовика и какой-то народ толпится, а сумерки и ничего не разглядеть.

И тут с нашей стороны подъезжает ещё одна машина, и выводят из неё Лайту – в такой же новенькой робе, как у меня, только розовой. Посмотрел я на неё, и так сердце заколотилось... и она ко мне – нет не бросилась, но вся потянулась, и конвойный, который с ней, кричит «Стоять! Нельзя!»... но тут с той стороны фарами помигали, и с Лайты тут же ножные цепочки сняли и на мост её повели, она на меня оглядывается, а я уже понимаю, что всё хорошо будет...

Я смотрю, а у меня в глазах плывёт, и хочется протереть, а не дотянуться. Кое-как вижу, что навстречу ей несколько человек проходят, а она светлым пятнышком – удаляется, удаляется... и заметалось пятнышко и исчезло вдруг. И тут с меня нижние цепочки снимают и так довольно вежливо, под локотки, ведут к мосту, и кто-то очень знакомым голосом (а может, показалось, что знакомым) наставляет: не оборачиваться, на идущих навстречу не смотреть, не задерживаться...

Ага. Так мне хочется у вас тут задержаться, вы даже не

представляете.

Подводят меня к мосту и оставляют, и я топаю вперёд, а с того конца идёт человек десять военных и полицейских, и каждый в немаленьком чине, кто-то при орденах... А последним идёт майор танковых войск Точа Гюд-Фарга с рукой на перевязи, сколько раз в одной компании на охоту ездили, а тут идёт и будто не узнаёт, только мазнул глазами да сплюнул под ноги.

И дальше пошёл.

А я как-то ничего не почувствовал, и даже если бы он мне в рожу харкнул – тоже, наверное, не сразу бы дошло. Я в этом смысле совсем непробиваемый, когда меня в шахте засыпало, я только на третий день начал нервничать, а то всё спал и спал... В общем, дошёл я до конца моста, и какие-то совершенно незнакомые люди хватают меня, обнимают и тащат, и я вдруг понимаю, что они меня от выстрела заслоняют собой. Понимаю, но ничегошеньки не чувствую. Вот как-то так.

А дальше укутывают меня в пастушью куртку толщиной в два пальца, сажают в коляску древнего, как Каменный Лес, мотоцикла, и я не вижу, где Лайта, все фары гаснут разом, и оказывается, что совсем темно, как бывает темно только в горах, я спрашиваю, где Лайта, куда дели, мне отвечают, что всё нормально, старик, надо быстро сматываться отсюда, и все оглядываются вверх и назад, но там ничего. Моментально трогаемся с треском и грохотом, никаких фар, а я знаю, что впереди такой серпантин, что и днём по нему не разго-

нишься. Но как-то едем, виляем вправо-влево, меня начинает укачивать не в смысле поблеть, а в смысле уснуть, и только морозный ветер в морду бодрит.

А потом мы куда-то въезжаем, и тут видно, что – туман.

Фары, фонари, окна светятся, двери, но только сам свет и виден, а за светом ничего. И даже люди, которых много, они какие-то полурасстворённые в этом светящемся тумане. И голоса доносятся сразу отовсюду, а уж моторы...

Выбираюсь я из коляски, меня опять под локти подхватывают, будто я и не из тюрьмы вовсе, а из больницы какой, но получается, что правильно подхватывают, потому что я вижу, как Лайта – вот, в пяти шагах передо мной – обнимается с каким-то мужиком, и тут до меня доходит, что это не какой-то мужик, а я сам.

И тут этот мужик, который я, Лайту не отпуская, а левой рукой придерживая, правой тянется ко мне и орёт:
– Папка! Пап-ка-а!!!

И тут начинаю орать я...

* * *

От раздумий я совсем машинально запарил в большой кружке чаёк из местных травок, их Шалун собирает, не доверяет никому. Травки горькие, запах как у сухого пыльного рыбьего хвоста, смазанного дёгтем, но просыпаешься от них быстро и надолго – ну и соображать начинаешь более высоко-

кокачественно. Так что я полкружки выщедил, и тут до меня стало доходить, какой же я тупой...

Теперь даже не спишешь на то, что не заметил или не обратил внимания, или ещё что-то подобное. В том-то и дело, что и заметил, и обратил, но ни джакча не понял из увиденного! А увидел я вчера, возвращаясь, что на пирамидку, которой на тропе поворот обозначен, сверху кто-то положил камень. И не просто камень, а кусок белого слюдяного шпата, которого поблизости нет совсем (да потому что я сам эту пирамидку выкладывал и по окрестности для неё все камни повыковыривал, так что знаю, что тут есть, а чего нет) – но вот ровно на противоположном краю Долины, на склоне, таким шпатам выложена фигура птички зартак – то ли в честь названия долины, то ли долину когда-то в честь фигуры называли, теперь и не узнать. И видно эту птичку в хорошую погоду с любого перевала... когда заезжаем, видим – о, птичка! – значит, всего час дороги остался.

И получается, кто-то пересёк всю долину, подал сигнал, которого я с устатку не понял, и где-то прячется? Я попробовал покрутить всё так и этак. Нет, ни во что другое факты не складывались. Ничего нового из букв Ж, П, А и О сложить невозможно. Кто-то пришёл с той стороны, дал о себе знать и ждёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.